

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И Л.М. ЛЕОНОВ: ФИЛОСОФСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ («БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» И «ПИРАМИДА»)

Сухих Ольга Станиславовна

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

В журн.: Уральский филологический вестник. 2014. № 1. Серия: «Русская классика. Динамика художественных систем» (Вып. 6). Екатеринбург. 2014. С. 152-160.

«Пирамида» Л.М. Леонова являет собой пример философского романа, насыщенного и даже, пожалуй, сверхнасыщенного общекультурными ассоциациями, литературными в частности. Автор предисловия к этому произведению О.А. Овчаренко, безусловно, права в своём утверждении, что «Пирамида» «перекликается <...> с выдающимися памятниками мировой литературы», в частности с «Братьями Карамазовыми» [Овчаренко 1994: 3]. Эти переклички можно найти в глобальной философской проблематике: в вопросах о человеке и Боге, о борьбе добра и зла в душе человека, о смысле мировой истории, о соотношении цели и средств в жизни государства. Однако эти вечные проблемы раскрываются не только во всём тексте в целом, но и в отдельных эпизодах. А такие эпизоды складываются в общую картину, раскрывающую взгляды писателя на важнейшие и сложнейшие философско-этические вопросы, которые в своё время ставил и решал Ф.М. Достоевский.

На страницах «Пирамиды» можно отметить, например, эпизод жестокой расправы колхозника над лошастью, недвусмысленно соотносящийся с содержанием и духом сна Раскольников в «Преступлении и наказании», правда, с той примечательной разницей, что в романе Л.М. Леонова жестокость проявляется человеком уже не во сне, а в реальности.

Заслуживает внимания и короткий рассказ о том, как комиссар, борющийся с религией, затравил собаками старого священнослужителя, – эта ситуация отсылает нас к «бунту» Ивана Карамазова, который повествует Алёше о помещике, затравившем собаками крепостного мальчика. Оба эпизода способны поразить воображение читателя самим своим содержанием, но не только. На усиление трагического эффекта работает и художественная форма, правда, в её создании Достоевский и Леонов идут совершенно разными путями. В «Братьях Карамазовых» Иван, рассказывающий об ужасающем случае, нагнетает напряжение, подробно описывая торжествующего мучителя и страдающую жертву, – это вызывает острое чувство сострадания к замученному ребёнку и ненависть к помещику. А в романе «Пирамида» рассказчик (беглый поп Афинагор), наоборот, говорит максимально кратко и спокойно, как будто констатирует совершенно будничные факты. Если в «Братьях Карамазовых» и Иван, и Алёша до глубины души возмущены поступком помещика, то в «Пирамиде» Афинагор строит свою реплику с рассказом о страшной жестокости совершенно парадоксально: «...разоритель обители, суровый московский комиссар, подай ему Господь здоровья, на глазах у всей братии стравивший собакам проживавшего там на покое ветхого архиерея...» [Леонов 1994: кн. 1: 94-95]. Горькая ирония, заключающаяся в этих словах, да и само построение этой фразы, где изображение убийства занимает вовсе не центральное место (в данном случае напрашивается параллель с анализом рассказа Бунина «Лёгкое дыхание» – точнее, фразы, иллюстрирующей гибель главной героини, – в работе Выготского Л.С. [Выготский 2001: 164-412], – всё это свидетельствует о том, что в эпоху «суровых московских комиссаров» злодеяние стало привычным и будничным. И это производит не меньшее впечатление, чем напряжённый и эмоциональный рассказ Ивана Карамазова.

В финале же «Пирамиды» перед нами Дуня Лоскутова с букетом полевых цветов в руках, и эти бледно-розовые соцветия «кошачьих лапок» вызывают в ней тёплое чувство чего-то близкого, родного и порождают гордость за свой земной, «в с е р а в н о (*разрядка авторская – О.С.*) хороший мир» [Леонов 1994: кн. 2: 676], несмотря на его бесчисленные несовершенства. И Дуня спрашивает ангела, «найдётся ли у них там, в пучине несовершенство времён, хоть одна такая же <...> м и л а я м а л о с т ь (*разрядка авторская – О.С.*), чтобы захотелось вернуться сквозь сто тысяч лет пути ради единственного к ней прикосновения» [Леонов 1994: кн. 2: 676]. Это воплощение всей непосредственной жизни нашего мира, всего живого и прекрасного в образе незатейливого цветка, «полусорной травы», очень напоминает образ «клейких листочков», так привлекавших Ивана Фёдоровича Карамазова и удерживавших его в земном, человеческом бытии, дававших ему желание жить, несмотря на «ад» в его душе.

Далее мы обратимся к более подробному анализу ещё одного фрагмента романа «Пирамида» – эпизода, который порождает ассоциации с тремя важнейшими сценами из романа «Братья Карамазовы». Речь идёт о ситуации первой встречи о. Матвея Лоскутова с комиссаром Тимофеем Скудновым. Последний был прислан исполкомом в одно из селений для проведения важного мероприятия по борьбе с религией – для взрыва местного храма. О. Матвей Лоскутов оказался свидетелем происходящего. По логике он должен был бы воспринимать представителя новой власти, антихристианской по своей сути, как врага и относиться к нему с неприязнью, возможно, даже с ненавистью. Но, когда Лоскутов наблюдает за действиями комиссара, готовящегося к разрушению святыни, ему вдруг приходит в голову, что страшный грех, который, по всей видимости, совершит этот человек, может перевернуть его же собственную душу, переломить его мировоззрение и превратить его из врага христианства в праведника. О. Матвей вспоминает поразившую его когда-то историю гонителя Савла, ставшего впоследствии апостолом Павлом, и задумывается о том, что чем страшнее грех, тем важнее и плодотворнее должны быть покаяние и искупление: «Обычно душевный перелом у большинства образцовых, канонизированных впоследствии отступников, как правило, наступал после какого-то титанического грехопаденья, когда со дна пучины видней становятся светила небесные, сокрытые от нас на дневном свету» [Леонов 1994: кн. 1: 288]. Кроме того, о. Матвею видится на лице Скуднова некая печать будущей мученической гибели.

Когда комиссар наклоняется к ящику с «аппаратурой» для взрыва и уже готов повернуть рычаг, о. Матвей Лоскутов неожиданно целует его руку, причём Скуднов угадывает в этом поступке стремление «направить его волю на стезю иную» [Леонов 1994: кн. 1: 289]. Однако после кратковременной борьбы комиссар всё же нажимает на рычаг и взрывает храм. Казалось бы, на этом всё конечно: о. Матвей потерпел поражение; но история всё же продолжается. Между комиссаром и священником, как оказывается, возможно общение и, более того, взаимопонимание, даже взаимное уважение. Их жизненные пути – это воплощение «двухвариантной русской судьбы»: пытаться постичь Бога или же отречься от Него. Впоследствии Тимофей Скуднов неоднократно присылает посылки о. Матвею и помогает ему перебраться в Москву. И тот мученический путь, который в своих мыслях предсказывал священник комиссару, по-своему осуществляется: Скуднов оказывается жертвой репрессий и погибает.

Итак, священник целует руку разрушителю храма. Поступок, который автор с иронией называет патологическим. И всё же в нём есть смысл. Тот, кто наделён по-настоящему глубокой душой, способен понимать другого и сочувствовать ему, даже если этот другой, казалось бы, полностью чужд ему по взглядам, по душевному настрою, по духу вообще; способен разглядеть в этом другом нечто такое, что, может быть, даже не осознаётся самим этим человеком, что скрыто под маской, которую окружающие принимают за истинное лицо; способен сквозь убеждённость и холод враждебности увидеть печать глубокого морального страдания. В романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» повествователь говорит об Алёше: «Он не хочет быть судьёй людей <...> он не захочет взять на себя осуждения и ни за что не осудит. Казалось даже, что он всё допускал, нимало не осуждая, хотя часто очень горько грустя» [Достоевский 1976: т. 14: 18]. В романе «Пирамида» Тимофей Скуднов совершает святотатство, которое для о. Матвея является страшным свидетельством падения человека, но Лоскутов, как бы это ни казалось странным, не чувствует в себе ненависти и желания осудить этого человека. Вернее всего, причина этого кроется в глубокой и искренней, как и у Алёши Карамазова, любви к ближнему, которая позволяет понять, прочувствовать даже то, что тебе самому чуждо и враждебно. В «Объяснительном слове по поводу «Речи о Пушкине»» Ф.М. Достоевский сказал, что русскому характеру свойственна «всечеловечность», то есть способность не просто посочувствовать другому, но *испытать его чувства*, прожить их самому и потому понять их, глубоко заглянуть в чужую душу и поставить себя на место другого человека. Именно это качество, на наш взгляд, проявляется в о. Матвее в книге Л.М. Леонова. В романе наиболее почитаемого им Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» есть несколько художественных параллелей вышеизложенному эпизоду.

Первая из них – это **сцена в монастыре**, когда старец Зосима кланяется в ноги Дмитрию Карамазову. Это происходит непосредственно после того, как Дмитрий высказывает преступную, страшную мысль в отношении своего отца: «Зачем живёт такой человек! Нет, скажите мне, можно ли ещё позволить ему бесчестить собою землю» [Достоевский 1976: т. 14: 69]. Заметим, что в этой реплике оба предложения по формальным признакам должны быть вопросительными, но в тексте они звучат не как вопрос, а как утверждение того, что старший Карамазов не достоин жить, а значит, справедливо было бы осудить его на смерть. Таким образом, Дмитрий фактически говорит об отцеубийстве. Это идея, которая по всей логике должна возмутить священнослужителя и вызвать у него крайне негативное отношение к Мите. Но у Достоевского разрешение этой сцены выглядит парадок-

сально: «Став на колени, старец поклонился Дмитрию Фёдоровичу в ноги полным, отчётливым, сознательным поклоном и даже лбом своим коснулся земли» [Достоевский 1976: т. 14: 69].

Перед нами старец, воплощающий в себе христианские ценности, как понимал их Достоевский, и молодой человек, в душе готовый нарушить одну из важнейших христианских заповедей. Судьба парадоксально свела этих героев в монастырской келье. Зосима видит в этом глубокий смысл, который, с его точки зрения, не требует объяснений. Его поклон – это свидетельство того, что он не может осудить другого, хотя и допускает страшные, разрушительные чувства в его душе. «... всё допускал, нимало не осуждая, хотя часто очень горько грустя», – эти слова, сказанные об Алёше, можно отнести и к Зосиме. Старец видит в Мите злость и раздражение, даже ненависть, но видит и чистое начало в его душе, способность любить и страдать. И печать будущего страдания на лице Мити заставляет старца признать в нём прежде всего человека с живой душой, человека, достойного понимания и сочувствия. Подобное же отношение вызывает Тимофей Скуднов у о. Матвея в «Пирамиде». В данном случае перед нами тоже представители двух разных подходов к жизни, двух разных ценностных систем: священник – и атеист, более того, преступник с моральной точки зрения. И в случае, описанном Л.М. Леоновым, как и у Ф.М. Достоевского, взгляды героев не соприкасаются, но соприкасаются души, и проявляется милосердие.

Вторая художественная параллель эпизоду из романа «Пирамида» – это **финал «Легенды о великом инквизиторе»**. Снова перед нами двое героев, один из которых является воплощением христианских ценностей (в данном случае даже шире: самого христианства, как его понимал Достоевский), а другой олицетворяет собой нарушение христианских принципов. Великий инквизитор прямо заявляет Пленнику, что не принимает того отношения к человеку, которое закреплено в христианских нормах. Он заходит даже и дальше: утверждает свою принципиальную приверженность антихристианским идеям. Кардинал сознательно использует ложь и насилие в своей государственной практике, полагая, что нет иного пути к благополучному и устроенному существованию миллионов обычных, слабых духом людей, которым не может быть доступно счастье христианского подвига. Их, по мнению великого инквизитора, волнует в жизни лишь «перед кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник» [Достоевский 1976: т. 14: 235]. Политика кардинала даёт решение этих вековых проблем человечества и, по его мнению, тем самым обеспечивает счастье большинства людей. Любой, кто помешает налаженной жизни социума, кто осмелится смущать умы, должен быть устранён ради сохранения безмятежного счастья масс. И в своём монологе герой по этой логике приходит к необходимости казнить Пленника. Великий инквизитор, несомненно, преступник с точки зрения христианской этики, и в своём падении он, пожалуй, достигает наибольшей глубины бездны. И, несмотря на это, он фактически не осуждён своим антиподом.

В чём смысл поцелуя Пленника? Исследователи романа не раз обращались к этому вопросу. И обычно поступок Христа объясняется либо тем, что суть его образа – это **любовь и милосердие**: «Господь любит всякую свою тварь. Он любит и ту, которая его не любит и не хочет любить...» [Иоанн Сан-Францисский 1992: 355], – либо тем, что **Пленник проявляет понимание всей глубины нравственных страданий** великого инквизитора, его боли за обычного слабого человека, его способности жертвовать собственным душевным покоем, ведь кардинал убеждён, что он берёт на себя страшный грех именно ради блага человечества. Р. Бэлнеп, например, в своей монографии обращает внимание на это [Бэлнеп 2003]. В любом случае поцелуй Христа – проявление милосердия и понимания, хотя и не притягивая чужой позиции.

В романе «Пирамида» о. Матвея было бы некорректно уподобить самому Христу, но всё же он воплощает в себе добро и любовь к ближнему, смирение и готовность на самопожертвование, а это в восприятии автора наиболее важные христианские качества. Тимофей Скуднов, в свою очередь, по масштабам замыслов и действий далеко не великий инквизитор, но, как и этот герой Достоевского, он воплощает в себе осознанный и бесповоротный отказ от христианства. И Скуднов, и великий инквизитор при этом даже не помышляют о раскаянии. Аналогия между эпизодами двух романов не только в том, что в позициях героев просматривается параллель, но также в том, как художественно выстроены взаимоотношения персонажей. В «Легенде о великом инквизиторе» перед нами *монолог* великого инквизитора, правда, он имеет диалогичный характер, поскольку кардинал по ходу рассуждений сам выражает позицию Христа, споря с ней. Пленник же *не произносит ни слова*, вероятно, потому, что слова в данном случае – это лишнее, это ничего не решает и не может убедить собеседника, к тому же важнейшие слова уже были сказаны Сыном Божьим много лет назад. Поэтому Пленник и отвечает великому инквизитору не словами, а **поступком**, в котором весь смысл христианского отношения к человеку, как понимал это автор романа. Что касается «Пирамиды», то там эпизод взры-

ва храма и эпизод последующей встречи о. Матвея и Скуднова в доме священника – это сцены *молчания*. Когда комиссар готовится разрушить святыню, священник не пытается с ним заговорить, вероятно интуитивно чувствуя, что любые слова бесполезны. Но он использует единственный доступный ему способ что-то изменить – переубедить человека **поступком**. Последующая встреча тоже *не требует от героев слов*: каждому без этого ясна позиция другого, и каждый чужую идею не принимает – этого не изменят слова. Но, не принимая идею своего молчаливого «собеседника», в то же время и Скуднов, и о. Матвей способны принять этого «собеседника» **как человека, как личность**, достойную понимания и уважения за свою преданность идее и за свои страдания. Общение и достижение понимания между героями происходит не на уровне слов, а на уровне соприкосновения душ.

Но, анализируя эпизоды произведений двух авторов, стоит отметить также следующий момент. У Достоевского поцелуй Христа оказал серьезнейшее влияние на позицию великого инквизитора. Кардинал, уже решившийся в своем антихристианстве дойти до страшного логического конца, отступает, не может сделать последнего губительного шага. В романе Л.М. Леонова всё иначе. Отчаянная попытка о. Матвея предотвратить антихристианский шаг комиссара не увенчивается успехом. Тот всё-таки вырывает руку и этой же рукой поворачивает рычаг механизма. Правда, неожиданное душевное движение священника всё же не проходит совсем бесследно, о чём говорят приход Скуднова в дом о. Матвея и последующее стремление комиссара помочь Лоскутову. Ф.М. Достоевский верил, что христианская любовь может что-то изменить даже в душе убеждённого антихристианина. Л.М. Леонов, по-видимому, такой верой в силу добра и любви уже не обладал, хотя и не полностью отрицал способность этих ценностей повлиять на человека. А. Татаринов в статье, посвящённой Леонову, сделал даже более радикальный вывод: если Достоевский эсхатологичен, то Леонов апокалипсичен [Татаринов]; эсхатология Достоевского – это учение не только о конечной катастрофе, но и о возможности возрождения, тогда как Леонов более близок к пессимистической картине апокалипсиса, как утверждает также Д. Быков в своей статье о Леонове [Быков].

Наконец, **третья** художественная параллель эпизоду поцелуя руки в «Пирамиде» – это **финал разговора между Иваном и Алёшей** в главе «Великий инквизитор». Ещё раз перед читателем два героя, один из которых истинный христианин в понимании автора, а другой отступает от христианской позиции. Алёша в ответ на поразившую его «поэму» о великом инквизиторе целует Ивана, подчёркивая тем самым, что Иван, несмотря на свои взгляды, остаётся для него братом. И дело даже не в родственных связях, а в том, что Алёша, как уже упоминалось выше, не может осудить человека, тем более если понимает всю глубину его страданий. Алёша видит, что Иван рационально не принимает его веры, но всё же он убеждён, что в душе Ивана в конечном итоге «победит Бог». Примерно на то же надеется и о. Матвей, когда целует руку комиссара.

Таким образом, сопоставление отдельных эпизодов произведений Ф.М. Достоевского и Л.М. Леонова помогает прояснить суть авторских концепций христианского отношения к человеку, а также понять, что взгляды писателя XIX века на возможность преобразования человеческой души под влиянием христианских ценностей были несколько более оптимистичны, чем идеи его последователя в XX веке.

ЛИТЕРАТУРА

Быков Д. Великая пирамида. Леонид Леонов как певец Апокалипсиса. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.rulife.ru/mode/article/1137/> (дата обращения: 17.02.2014).

Бэллел Р. Генезис «Братьев Карамазовых» / Перевод с англ. Л. Высоцкого. СПб.: Академический проект, 2003.

Выготский Л.С. Психология искусства // Выготский Л.С. Анализ эстетической реакции. М.: Лабиринт, 2001. С. 164 – 412.

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр.соч.: в 30 тт. Т. 14-15. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976.

Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Великий инквизитор Достоевского // Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Избранное. Петрозаводск: Святой остров, 1992.

Леонов Л.М. Пирамида. В 2 кн. М.: Голос, 1994.

Овчаренко О.А. О романе Леонида Леонова «Пирамида» // Леонов Л.М. Пирамида. Кн. 1. М.: Голос, 1994. С. 3 – 5.

Татаринов А. Под знаком Апокалипсиса. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.litrossia.ru/2007/23/01586.html> (дата обращения: 30.02.2014).

